

С.А. Кошарная
Белгород, Россия

Проблема личности в русской лингвокультуре

Проблема человека и личности сегодня является одной из ключевых в контексте антропоцентрической научной парадигмы. Об этом свидетельствует, в частности, и количество лингвокультуроведческих работ, в центре внимания которых оказывается концепт «Человек». В то же время, несмотря на кажущуюся универсальность данного концепта, в каждой конкретной культуре он получает свое особенное «разрешение». В частности, специалисты по массовой психологии отмечают как одну из специфических черт русской традиционной культуры её «безличность», ориентацию на коллективизм, а не индивидуальное начало, в противовес западной модели.

Истоки такого положения дел уходят своими корнями в историю русского общества. «В древнерусском языке, – писал В.В. Виноградов, – до XVII в. не было потребности в слове, которое соответствовало бы, хотя отдаленно, современным представлениям о личности, индивидуальности, особи. В системе древнерусского мировоззрения признаки отдельного человека определялись его отношением к Богу, общине или миру, к разным слоям общества, к власти, государству и родине, родной земле с иных точек зрения и выражались в других терминах и понятиях. Отдельные признаки личности были рассеяны по разным обозначениям и характеристикам человека, человеческой особи (*человек, людие, ср. людин, лице, душа, существо* и некоторые другие). Общественному и художественному сознанию древнерусского человека до XVII в. было чуждо понятие ... об отдельном человеческом "я" как носителе социальных и субъективных признаков и свойств (ср. отсутствие в древнерусской литературе жанра автобиографии, повести о самом себе, приемов портрета и т. п.)» [Виноградов 1946, 10]. Хотя само слово *личность* вошло в обиход во второй половине XVII в., его современное значение оформилось только в 20-30-е гг. XIX в. В.В. Виноградов так формулирует это значение: «монада, по-своему,

единственно ей свойственным образом воспринимающая, отражающая и создающая в себе мир» [Виноградов 1994, 273].

В русской литературе и публицистике 40-х гг. XIX в. слово *личность* уже стало выражать центральное мировоззренческое понятие. С ним ассоциируются следующие три оттенка значения: 1) индивидуальность с ее внутренней стороны, духовное «я», 2) человек как социальная единица, субъект гражданского права, 3) идентифицируемое по внешним признакам обособленное существо.

Таким образом, в слово *личность*, как показывает В. В. Виноградов влились многие из тех значений и смысловых оттенков, которые развивались в разных европейских языках у многочисленной группы слов, восходящих к лат. *persona* и *individuum* [Виноградов 1946, 10].

При этом учеными, начиная с В.О. Ключевского, отмечается следующее. Русские отказываются от индивидуального в пользу коллективного, группового. Данное положение является устойчивым и мало подвержено историческим изменениям, ср.: *Сам погибай, а товарища выручай; Человек человеку – брат; возьмемся всем миром; круговая порука.*

Еще в XIX веке, пытаясь узнать имя человека, спрашивали: «*Ты чьих будешь?*» И в ответ слышали: «*Ивановы мы*». То есть важно было обозначить не столько себя как личность, сколько свой род, свою «группу».

Вспомним известный с детства «комментарий» по поводу употребления местоимения *Я*: *Я – последняя буква алфавита*. Негативную оценку несет в себе и разговорный глагол *якать* – 2. Слишком часто, хвастливо упоминать себя в речи, произнося «я»: *...ты очень зачванилась. Задираешь нос и якаешь.* (Гладков. Энергия) [МАС IV: 781].

Равным образом, в именовании «*Мы, Николай Второй*» не было самовозвеличивания, в этой фразе отражена вошедшая в коллективное языковое сознание мысль о том, что «*царь есть слуга своего народа*» (ср. аналогичное употребление местоимения *мы* в публичных выступлениях на научных конференциях: *Мы полагаем, Нам кажется, Мы пришли к выводу и подоб., где докладчик намеренно отказывается от употребления местоимения единственного числа, соблюдая этические нормы).*

Согласно русской традиционной этике, *человека украшает скромность*. Производящее прилагательное *скромный* значит 1. 'лишенный тщеславия, высокомерия, не выставляющий напоказ своих достоинств, заслуг' и в то же время 'непритязательный, не предъявляющий больших требований, довольствующийся малым'; 2. 'сдержанный в обращении, поведении, в словах, поступках'; 3. 'не бросающийся в глаза, не привлекающий внимания, простой' [МАС IV: 122].

Ср. у Б. Пастернака:

Быть знаменитым некрасиво.

Не это подымает ввысь.

...

Цель творчества – самоотдача,

А не шумиха, не успех.

***Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.***

В том же стихотворении читаем:

Но надо жить без самозванства...

И далее:

***И окунаться в неизвестность,
И прятать в ней свои шаги,
Как прячется в тумане местность,
Когда в ней не видать ни зги.***

[Пастернак 1989, II: 74].

Сохранился и другой вариант этой строфы:

***Как плавает в тумане местность
И в ней не различить ни зги,
Таинственная неизвестность
Пускай хранит твои шаги.***

[Пастернак 1989, II: 633].

В этом смысле Борис Пастернак – очень русский автор.

Словно вторит ему Анна Ахматова:

***Молитесь на ночь, чтобы вам
вдруг не проснуться знаменитым.***

[Ахматова 1989: 436].

Мотив испытания славой – один из важных в ахматовской поэзии, а приведенные строки являются наброском 1960-х годов так и не написанного стихотворения (заметим, А. Ахматовой в ту пору было уже больше семидесяти лет).

Именно Ахматова предсказала А.И. Соженицыну мгновенную всемирную славу и опасалась, выдержит ли он ее. Возможно, эти строки родились именно после разговора с писателем и в прямой связи с ним. «Пастернак не выдержал славы, – говорила она Соженицыну. – Выдержать славу очень трудно, в особенности позднюю» [Кормилов 1999: 27].

Другой гениальный поэт – М. Цветаева – в 1913 году, в 21 год, пишет:

***Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.***

[Цветаева 1990: 23].

Но уже в 1923 году, когда автору перевалило за 30, в стихотворении «Прокрасться» она размышляет:

***А может, лучшая победа
Над временем и тяготеньем –
Пройти, чтоб не оставить следа,
Пройти, чтоб не оставить тени***

На стенах...

***Может быть – отказом
Взять? Вычеркнуться из зеркал?
Так: Лермонтовым по Кавказу***

Прокрасться, не встревожив скал.

И заключает:

***Так: Временем как океаном
Прокрасться, не встревожив вод...***

[Цветаева 1990: 310-311].

Даже такой поэт-громовержец, как Владимир Маяковский, писал в своих воспоминаниях: «Ночь. Сретенский бульвар. Читаю стихи Бурлюку. Прибавляю – это один мой знакомый. Давид остановился. Осмотрел меня. Рявкнул: «Да это же ж Вы сами написали! Да Вы же ж гениальный поэт!» Применение ко мне такого *грандиозного* и *незаслуженного* эпитета обрадовало меня. Я весь ушел в стихи. В этот вечер совершенно неожиданно я стал поэтом» [Маяковский I: 52-53]. Когда Владимиру Маяковскому говорили: «Ваша автобиография не очень серьезна», он отвечал: «Правильно. Я еще не заакадемичился и не привык нянчиться со своей персоной».

Таким образом, скромность в славянской культуре противопоставляется тщеславию, то есть тщетной славе. Как пишет в одной из своих работ В.В. Колесов, славу в Древней Руси мог получить только мертвый. Не случайно слово *слава* – исторически одного корня со словом *слух*, то есть слава распространялась на слух и уже о том, кого нет среди живых, но о ком помнят. Живому же полагался только почет.

Само слово *скромность* – того же корня, что и *укромность*. При этом *скромность* отнюдь не означает *скрытности*, *закрытости*. В человеке цениться *откровенность*, но без самолюбования, без выставления себя напоказ (*В хвасте* (т.е. в хвастовстве) *нет сласти*). Неслучайно древнерусское слово *позор* – первоначально ‘всеобщее обозрение’, устар. ‘зрелище’ – развивает негативную коннотацию: ‘постыдное, унижительное положение, вызывающее презрение; бесчестье’.

Таким образом, в русской культуре конкретная личность в социальном и аксиологическом (ценностном) плане всегда оказывается ниже общества (*Один в поле не воин; Всяк кулик в своем болоте велик*).

Конечно, в нашей литературе найдется немало примеров, казалось бы, доказывающих веру автора в собственную исключительность. Так, Игорь Северянин (Лотарёв) в цикле «Эпилог», состоящем из двух стихотворений, пишет:

***Я, гений Игорь Северянин,
Своей победой упоен:
Я повсеградно озкранен!
Я повсесердно утвержден!
От Баязета к Порт-Артуру
Чертупорную провел.
Я покорил литературу!
Взорлил, гремящий, на престол!***

[Северянин 1988: 190].

Как справедливо пишет в своих комментариях В.А. Кошелев, строчка «Я, гений, Игорь Северянин...», воспринятая вне контекста стихотворения,

во многом определила основной тон отношения широкого читателя к Игорю Северянину – ироническую усмешку превосходства. «Северянин» в нашем представлении выступает как некий апогей самомнения и самовосхваления – того, что никогда не славилось в российском обиходе [Кошелев 1988: 5].

Однако обратим внимание на название стихотворения – «Эпилог», по сути – полусутольный некролог, написанный в адрес себя самого, на что указывают последние строки: *В ненастный день взойдет, как солнце, Моя вселенская душа!* Полусутольное восприятие собственной гениальности отмечено и следующими строками:

*Схожу насмешиливо с престола
И, ныне светлый пилигрим,
Иду в застенчивые доли,
Презрев ошеломленный Рим.*

И далее – уже всерьёз:

*Не ученик и не учитель,
Великих друг, ничтожных брат,
Иду туда, где вдохновитель
Моих исканий – говор хат.*

[Северянин 1988: 191-192].

Отметим и контекстуальное противопоставление *друг* великих – *брат* ничтожных. С точки зрения ритмики строки, ничто не препятствовало автору написать: «*Ничтожных друг, великих брат*», однако И. Северянин пишет иначе, и неслучайно. В нашей культуре слова *друг* и *брат* при всей близости значений всё же неравнозначны. Ещё в Древней Руси слово *брат* обозначало не только брата по крови, но и единомышленника, союзника, ближнего, что нашло отражение в словаре народа: *бративъ* – «человеколюбивый», *братолюбивый*, *братолюбець* – «любящий ближнего» (ср.: «в свѣте семь братъственная любви паче всего» [Палея толковая 1406]), *братоненавистник* – «человеконенавистник», *братычина* – «общее застолье, пир в складчину», *братский* каравай – особый праздничный хлеб, *братина* – большой сосуд с вином для товарищеского застолья.

С древнерусского периода до настоящего времени широко употребительными являются слова *братство*, *по-братски*, *брататься*, также не относящиеся к сфере семейно-родственных отношений. При этом *брат* – это всё же больше, чем просто *друг*, поскольку оно характеризует более близкие отношения, которые можно приравнять к отношениям кровного родства. В этом контексте значимо культурное отличие, о котором говорит известный правозащитник Валер. Федор. Абрамкин. По его наблюдениям, из трех основополагающих идей Французской революции – *свобода*, *равенство* и *братство* – русские (шире – восточные славяне) на первое место ставят *братство*.

И Северянин в своем стихотворении передает ощущение своего кровного родства с простым – *ничтожным* – человеком, откуда и его стремление к *говору хат*.

Это стихотворение перекликается с пушкинским «Памятником», написанным на тему оды Горация «К Мельпомене».

***Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрійского столпа.
Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.***

***Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык...***

И конец стихотворения столь же показателен:

***Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.***

[Пушкин I: 586].

А в сонете «Поэту» автор призывает:

***Поэт! Не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной:
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.***

***Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.***

[Пушкин I: 474].

Таким образом, ни у А.С. Пушкина, ни у И. Северянина нет и намек на тщеславие и «самозванство». Есть лишь желание остаться в памяти потомков словом, мыслью, чувством.

Тот же А.С. Пушкин в трагедии «Моцарт и Сальери», с одной стороны, вкладывает в уста Моцарта свою собственную мысль относительно гениальности и злодейства:

Моцарт: ...***Ах, правда ли, Сальери,
Что Бомарше кого-то отравил?***

Сальери: ***Не думаю: он слишком был смешон
Для ремесла такого.***

Моцарт: ***Он же гений,
Как ты да я. А гений и злодейство –
Две вещи несовместные.***

[Пушкин III: 448-449].

С другой стороны, признающий свою собственную гениальность Моцарт (в основе – сам А.С. Пушкин), останавливается возле трактира послушать слепого скрипача:

Сальери: *Ты с этим шёл ко мне
И мог остановиться у трактира
И слушать скрипача слепого! – Боже!
Ты, Моцарт, недостойн сам себя.*

[Пушкин III: 445].

Таким образом, автор подчеркивает внутреннюю близость гениального композитора с безвестным слепым скрипачом, который не слишком умело исполняет арию из «Дон-Жуана» Моцарта.

И на замечание Сальери: «*Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь*», Моцарт шутливо замечает:

*Ба! Право? Может быть...
Но божество мое проголодалось.*

[Пушкин III: 445].

В словах Моцарта находит отражение личность самого А.С. Пушкина. Как видим, автору, сформировавшемуся в контексте русской культуры, не свойственно самолюбование и самовозвеличивание, как и слишком серьёзное отношение к самому себе и своему таланту.

Та же традиция продолжается в литературе двадцатого века. В частности, русский поэт, переводчик, талантливый редактор, близкий друг Анны Ахматовой Мария Петровых, будучи в знакомстве с ведущими российскими поэтами, сама почти всю жизнь оставалась в тени. Единственное прижизненное издание её стихов увидело свет, когда автору было уже шестьдесят лет, притом, что стихи она писала с детства и сама рано осознала себя поэтом. О процессе творчества в свои тридцать пять лет она напишет:

*Пером неумелым дословно, построчно,
Едва попевая, ты запись ведешь<...>
И дальше ты пишешь, – не слыша, не видя,
В блаженном бреде, не страшась чепухи,
Не помня о боли, не вертя обиде,
И вдруг понимаешь, что это – стихи.*

[Шуламит Шалит <http://www.akhmatova.org/persons...>]

Она не носила стихов по редакциям:

*Мы начинали без заглавий,
Чтобы окончить без имен.
Нам даже разговор о славе
Казался жалок и смешон.*

[Там же].

Эти строки перекликаются с ее дневниковыми записями:

*При жизни я была так глубоко забыта,
Что мне последнее забвенье не грозит.*

Неслучайно в своем посвящении Арсению Тарковскому Давид Самойлов так пишет о Марии Петровых:

*Мария Петровых да ты
В наш век безумной суеты
Без суеты писать умели<...>
Среди усопших и живых
Из трёх последних поколений
Ты и Мария Петровых
Убереглись от искушений
И в тайне вырастили стих.*

[Там же].

И именно это «в тайне» так высоко оценено современниками и потомками, поскольку согласуется с одной из базовых культурных установок нашей культуры, согласно которой человек, вне зависимости от собственных заслуг и степени одаренности, должен оставаться скромным и бежать от тщетной славы.

В то же время у всякой медали есть две стороны. И, рассматривая скромность как положительное качество, нельзя не отметить, что в контексте традиционных русских установок даже очень талантливая личность зачастую оказывается не оцененной в полной мере. Не о том ли свидетельствует фразеологизм *В своём отечестве пророков нет*, фиксирующий отношение социума к личности, где последняя всегда оказывается ниже коллектива? И не здесь ли следует искать истоки одной из лингвокультурных проблем современности – отсутствия в русской культуре приемлемого обращения к человеку вообще, независимо от его статуса, возраста и т.п.?

Литература

- Ахматова А.А.* Стихотворения. Поэмы. Проза. Составление В.В. Рудакова, научное консультирование канд. филол. наук А.А. Ачатовой. – Томское книжное изд-во, 1989.
- Кормилов С.* «Мы забыли, что такие люди бывают». Ахматова и Солженицын // Литературное обозрение. – 1999. – № 1.
- Кошелев В.А.* Поэт с открытой душой // Северянин И. Стихотворения / Сост., вступ. Статья и примеч. В.А. Кошелева. – М.: Сов. Россия, 1988.
- Пастернак Б.Л.* Собрание сочинений в пяти томах. Т.2. Стихотворения 1931-1959; Переводы / Редкол.: А. Вознесенский, Д. Лихачев, Д. Мамлеев и др.; Сост. и коммент. Е. Пастернак и К. Поливанова. – М.: «Худ. литература», 1989.
- Пушкин А.С.* Сочинения в трех томах. – М.: «Худ. литература», 1985.
- Северянин И.* Стихотворения / Сост., вступ. Статья и примеч. В.А. Кошелева. – М.: Сов. Россия, 1988.
- Цветаева М.И.* Осыпались листья над вашей могилой: Стихотворения, поэмы. – Казань: Татарское кн. Изд-во, 1990.
- Шуламит Шалит* «Назначь мне свиданье на этом свете...» (О поэте Марии Петровых) // [http:// www.akhmatova.org/persons/petrovyh.htm](http://www.akhmatova.org/persons/petrovyh.htm)